

Меерович М. Г., Меньковский В. И., Жеребцов И. Л. **«Социалистический город»: идея и ее воплощение в Советском Союзе 1920-х и 1930-х годов.** Банска-Бистрица : Belianum, 2019. 154 с.

Меяровіч М. Р., Менькоўскі В. І., Жарабцоў І. Л. **«Сацыялістычны горад»: ідэя і яе ўвасабленне ў Савецкім Саюзе 1920-х і 1930-х гадоў.** Банска-Бістрыца : Belianum, 2019. 154 с.

Meerovich M. G., Menkouski V. I., Zherebtsov I. L. **«Socialist City»: idea and its realization in the Soviet Union 1920s and 1930s.** Banská Bystrica : Belianum, 2019. 154 p.

Исследование проблем эпохи сталинизма остается крайне популярной темой. Этому способствует как введение в научный оборот неизвестных ранее материалов и документов, так и поиск новых методологических подходов к исследованию исторического прошлого. Одной из наиболее актуальных проблем эпохи 1930–50-х гг. выступает комплекс вопросов, связанных с градостроительными поисками в Советском Союзе и механизмами реализации смелых идей советских архитекторов и партийных функционеров. Среди книг об истории сталинизма, изданных в последнее время, особое место занимает исследование о «подлинном понимании сталинской урбанизации» («Социалистический город»: идея и ее воплощение в Советском Союзе 1920-х и 1930-х годов». Авторами данной книги являются М. Г. Меерович, доктор исторических наук, доктор архитектуры; В. И. Меньковский, доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета; И. Л. Жеребцов, доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Книга опубликована на русском и английском языках, что сразу расширяет читательскую аудиторию. Этому способствует также международный коллектив авторов и издание исследования в Словакии.

Структура монографии включает следующие основные разделы: «СССР 1920–30-х гг.: генезис “сталинизма”», «Отказ от идеи “города-сада”», «Социалистический город в концепции», «Социалистический город в реальности». В каждом разделе сформулирована важная проблема и предлагается авторское ее видение. Вопрос генезиса сталинизма крайне сложен и многогранен. Авторы предлагают комплексный анализ самого термина «сталинизм» и трансформации его понимания в разное время в разных странах.

Авторы рассматривают концепцию города-сада, предложенную Э. Говардом, и ее адаптацию к советской действительности. При этом исследование логично и доступно погружает в процесс пересмотра данной концепции в СССР. Читатель наблюдает, как «в первой половине 1920-х гг., под влиянием формирувавшейся системы нормативов проектирова-

ния, ведомственных рекомендаций и предписаний, экономических и организационно-управленческих реалий и прочих обстоятельств, постепенно складывался тот особый концепт поселений для рабочих, который некоторое время именовался в дискуссиях и текстах того периода “поселением-садом”» (с. 104). Анализ проектной практики и ее нормативно-правового обеспечения позволяет сделать вывод о том, что «поселение-сад» эволюционировало «к середине 1920-х гг. в специфический концепт поселения – “ведомственный рабочий поселок”» (с. 104). Очевидно, что утопические идеи советского руководства в области градостроительства столкнулись с объективной реальностью, в очередной раз экономическая целесообразность и задачи в максимально сжатые сроки обеспечить людей жильем одержали победу над «живописностью планировки» (с. 105). Более того, именно плановые показатели диктовали объемы жилищного строительства и типологию жилья. Город-сад начал трансформироваться в ведомственный жилой поселок, который подчиняется правилам трудо-мобилизационных механизмов. Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. эти принципы только укрепились. Так, произошел отказ от идеи города-сада, победила доктрина ведомственного жилья, позволяющая осуществлять контроль за его обитателями.

Тезисы авторов о советской урбанизации как об искусственном процессе, происходившем под жестким контролем плановых органов, об отсутствии естественных жилищных процессов (за исключением стихийно возникающих поселков на окраинах городов), о сопутствующей роли урбанизации по отношению к первоочередной задаче государства – милитаризации, об искусственном перемещении псевдогородского населения являются абсолютно оправданными и опираются на развернутую доказательную базу, в основе которой – широкий круг исторических источников, а также на опубликованные ранее исследования. В монографии названы характерные признаки социалистических городов, созданных в СССР в результате искусственных процессов урбанизации, перечисляются категории населения таких социалистических городов и отмечается, что новые горожане были вынуждены усваивать новую культуру. Авторы издания формулируют важную исследовательскую проблему рассмотрения процессов индустриализации, коллективизации, урбанизации как «инструментов целенаправленного и планового формирования трудовых ресурсов поселений новостроек: спецпоселков и соцгородов, а также контингентов рабочей силы в местах ресурсодобычи» (с. 113). Темпы роста городского населения (почти 14 млн человек стали горожанами за годы первой пятилетки вместо запланированных 10 млн) опережали «процессы адаптации вчерашних сельских жителей к городскому образу жизни, усвоение ими городской культуры, новой системы ценностей»

(с. 114). Уровень культуры населения также был неадекватным. Новые индустриальные центры и их обитатели лишались возможности жить в нормальных социально-бытовых условиях. Но подлинная урбанизация связана с крупными капиталовложениями в человека, а советская урбанизация экономила на людях. Однако, как считают авторы, именно так и задумывалось.

Одним из ключевых в книге является тезис о необходимости выработки особой исследовательской оптики. Она должна быть ориентирована на выявление уникальных черт процесса урбанизации в СССР (он опирался на идеи марксизма-ленинизма и концепцию форсированного создания мощного оборонно-промышленного комплекса), а не на сравнительный анализ советских и западноевропейских программ градостроительства и урбанизации.

Военно-промышленный комплекс в годы первых пятилеток действительно был перенесен на Урал и в Сибирь. Это было связано с удаленностью данных регионов от линии фронта, новой промышленно-энергетической политикой, догоняющей стратегией индустриализации, отказом от участия в системе международного разделения труда. Развернутая аргументация позволяет сделать вывод о том, что именно военно-промышленные задачи определили характер индустриализации, форсирование которой продиктовало политику урбанизации с ее массовым искусственным перемещением населения в уральский и сибирский регионы. Власть формировала новые крупные места сосредоточения пролетариата и провозглашала их центрами территориальной организации населения. Социально-бытовые и культурные условия, комфортная городская среда уходили на второй план, в некоторых случаях – лишь провозглашались. Фактически новые города превратились в узловые промышленные центры, рядом с которыми располагались сельскохозяйственные поселения, обеспечивавшие города минимальным котируемым набором продуктов.

Социалистический город в практическом воплощении представлял собой поселение при градообразующем предприятии, в котором строго были определены численность населения, объем жилой площади, количество образовательных учреждений, банно-прачечных комплексов и их пропускная способность. Многочисленные постановления формировали ведомственный характер жилья, медицинского обслуживания, доступа к санаториям, яслям в соцгородах. Для социалистического города искали лучшую планировку, экономически и идео-

логически обоснованную. Самой популярной оказалась планировка «ось», на которой располагались градообразующее предприятие, вокзал и общественный центр. В социалистическом городе планировали обобществить быт, в частности, жилье предполагали организовать по типу коммуны, без кухонь и санузлов. Это, в свою очередь, требовало рационального размещения сети объектов распределительной системы (столовые, прачечные, ясли). В социалистических городах пытались полностью исключить частную торговлю, жилище, транспорт. Население представляло собой трудо-бытовой коллектив – «объединение людей, которые работают на одной фабрике, заводе или в советском учреждении и которые, согласно провозглашенной новой властью коллективистским принципам новой повседневности, жить должны также вместе» (с. 114). Несмотря на стремление бороться с частнособственническими устремлениями, в социалистических городах возникали индивидуальные дома (жилище руководителей строительства, местных партийных функционеров, землянки также были индивидуальным жильем), функционировала подпольная торговая сеть, коллективистские устремления жителей декларировались и поддерживались официально, но на практике каждый представитель этого трудо-бытового коллектива отстаивал свои частные интересы.

В целом авторам удалось провести уникальное исследование теоретического плана, в котором нашли отражение базовые процессы эпохи сталинизма во всем их многообразии. Сталинская урбанизация являлась прямым следствием программы формирования военно-промышленного комплекса и форсированной индустриализации и осуществлялась на основе уникального исторического опыта. Сравнить ее с процессами урбанизации на Западе нельзя и невозможно. Урбанизация по-сталински проводилась принудительно. Социалистические города, возникшие в процессе урбанизации, отвечали задачам обеспечения государства необходимыми технологическими продуктами и ресурсами, а население их выживало. Развитие урбанизации в Советском Союзе в 1930-х гг. было абсолютно сознательной, планомерно осуществляемой программой. Созданные вокруг градообразующего предприятия соцгорода были масштабным экспериментом, реализуемым советской властью. Они существуют и в наше время и именуется монофункциональными городами.

*Н. Н. Макарова*¹

¹Надежда Николаевна Макарова – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора по научной работе Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

Надзея Мікалаеўна Макарава – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; намеснік дырэктара па навуковай рабоце Інстытута гуманітарнай адукацыі Магнітагорскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта імя Р. І. Носава.

Nadezhda N. Makarova, PhD (history), docent; deputy of director of the Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

E-mail: makarovanadia@mail.ru